

Сергей Георгиевич Кара-Мурза –

доктор химических наук, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, социолог, политолог, публицист, член Союза писателей России

Выбор стратегии развития – исторический выбор

В августе 2011 года был опубликован доклад «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика». Он был подготовлен большой группой экспертов под руководством ректора Высшей школы экономики Ярослава Кузьмина и ректора Академии народного хозяйства и государственной службы Владимира Мау. Эти две организации – «мозговые центры» реформы, которая ведется в России с 1992 года. Здесь формулируются принципы большей части конкретных программ в разных частях хозяйства и социальной сферы.

Этот доклад, который готовился по поручению Владимира Путина как стратегическая программа для грядущих выборов, заслуживает того, чтобы специалисты его изучили и прокомментировали, а граждане вникли в главные установки и обсудили их между собой. На мой взгляд, этот документ – единственный в своем роде за все время реформ. В нем изложена идеология стратегической

доктрины, которую предлагает правительству очень влиятельная группа правящей элиты. Впервые разработчики ее стратегических программ изъяснялись столь откровенно.

Доклад большой, его надо читать и перечитывать. Ведь даже несмотря на то что он не был принят правительством как официальная программа, его установки все равно влияют на политику и негласно внедряются в практику. Нас редко посвящают в планы сильных мира сего – так надо пользоваться случаем. В этом докладе поражает какое-то дерзкое, хладнокровное презрение к истине и тоталитаризм мышления. В начале 90-х годов, когда люди были контужены перестройкой, такие вещи проходили, не до них было. Но теперь, через двадцать лет реформ, подобные доклады странно читать, но надо – это для всех категорий граждан служит необходимым практикумом.

Кратко рассмотрим положения этого документа, претендующего задать основные позиции целеполагания на предстоящее десятилетие.

Прежде всего доклад так представляет ситуацию в России:

«Цели социально-экономического развития и его условия выглядят совсем иначе, чем они выглядели после предыдущего кризиса 1998 года. Тогда перед страной стояла задача: в экономическом плане — выхода из трансформационного спада, а в социальном — преодоления бедности, которой было охвачено более трети населения страны. Теперь задача в выходе на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества».

Это ложная трактовка. Ни проблема «выхода из трансформационного спада», ни проблема «преодоления бедности» вовсе не решены после 2000 года. Эти проблемы только сейчас и встают в полный рост — когда запасы совет-

Проблема «выхода из трансформационного спада» и проблема «преодоления бедности» только сейчас встают в полный рост — когда запасы советских ресурсов подходят к концу. Спад показателей годового ВВП — мелочь по сравнению с износом основных фондов, а также культуры, здоровья, квалификации населения и пр.

ских ресурсов подходят к концу. Спад показателей годового ВВП — мелочь по сравнению с износом основных фондов, а также культуры, здоровья, квалификации населения и пр. Доклад исходит из ошибочных понятий, индикаторов и критериев. Это — фундаментальный методологический изъян. Говорится:

«В 2000-е годы российская экономика демонстрировала впечатляющие успехи. Динамичный экономический рост 2000-х годов <...>».

Это принципиальная ошибка. В 2000-е годы не было никаких «впечатляющих успехов» и «экономического роста». Было оживление омертвленных в 90-е годы производственных

мощностей с точечными мерами по модернизации некоторых производств, старые мощности которых не подлежали восстановлению. Авторы доклада путают разные категории: «поток» (например, годовой объем производства или даже годовой ВВП) и «основные фонды» (база экономики, производственные мощности, кадровый потенциал). Экономический рост — это рост базы, а тут пока преобладают процессы деградации. Рост базы экономики определяется динамикой инвестиций в основные фонды, а эти инвестиции только в 2007 году достигли уровня 1975 года, а в 2009 году опять упали ниже этого уровня. Вряд ли и до 2020 года они выйдут на уровень 1990 года. Чтобы преодолеть «трансформационный

Структуры постиндустриального производства базируются на мощной промышленной основе, прежде всего на машиностроении и производстве материалов нового поколения, на технологиях с высокой интенсивностью потоков энергии (в том числе новых видов), а вовсе не на «экономике впечатлений» и фантазиях дизайнера с карандашником в руке.

спад», надо хотя бы вернуть в народное хозяйство изъятые из воспроизводства основных фондов инвестиции, стабилизированные пускай даже на уровне 1990 года (а это уже около 7 триллионов долларов). К тому же авторы не сообщают, что даже «поток» (рост объема производства) в 2000-е годы был более медленным, нежели в 1980–1990 годы — а ведь тогда реформаторы требовали сломать всю экономическую систему из-за «медленного роста».

Россия в докладе постоянно сравнивается с Китаем, Бразилией и Индией, вместе с которыми она якобы готова к «переходу в постиндустриальное общество». Это — ложное сравнение. Те страны завершают двадцатилетний период

интенсивной индустриализации на основе современной технологии, а Россия завершает двадцатилетний период деиндустриализации. Оба процесса инерционны, и еще два десятилетия эта инерция будет гнать упомянутые страны и Россию по их расходящимся траекториям. Никакого подобия с Китаем нынешняя Россия не имеет, и ее задачи на 10 лет совсем иные, чем те, которые сформулированы в докладе.

Вообще в докладе концы с концами не сходятся. Утверждается, что

«российская экономика демонстрировала впечатляющие успехи»,

и тут же сообщается:

«В целом динамика структуры занятости отражает неблагоприятные тенденции в российской экономике: отсутствие движения в направлении модернизации и недостаточный рост эффективности производства».

Похоже, разные эксперты, готовившие доклад, не согласовали свои представления.

«Новая модель роста предполагает ориентацию на постиндустриальную экономику — экономику завтрашнего дня. В ее основе сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, “экономика впечатлений” и т.д.»

Это совершенно ложная цель, а само по себе приведенное сильное утверждение скорее всего имеет идеологический демагогический характер. Известна формула: «Постинду-

стриальная экономика — это гипериндустриальная экономика». Структуры постиндустриального производства базируются на мощной промышленной основе, прежде всего на машиностроении и производстве материалов нового поколения, на технологиях с высокой интенсивностью потоков энергии (в том числе новых видов), а во все не на «экономике впечатлений» и фантазиях дизайнера с карандашиком в руке. Прежде чем Россия может позволить себе переориентировать свое хозяйство на «сервисные отрасли», «медиа» и «дизайн», она должна восстановить свою промышленность, подорванную проведенной в 90-е годы деиндустриализацией. А ведь восстановительная программа еще и не начиналась!

В докладе поставлена следующая странная цель:

«Переход от экономики спроса к экономике предложения».

«Экономика предложения» — это благозвучная замена ставшего одиозным термина «общество потребления», потребителей соблазняют разнообразием предлагаемых ему товаров и услуг. Но в бедствующей России нет никаких оснований заменять «экономику спроса» «экономикой предложения». Страна еще не пресытилась жизненно важными благами, чтобы бросить ресурс на изобретение и производство интригующих новшеств. Эти необычные «предложения» элита и так получит от мирового рынка и купит себе любые новшества за границей. В России именно базовый массовый спрос и производства, и потребителей обеспечивает более сильные мотивы к инновациям и развитию, нежели изощренное предложение в пресыщенном обществе потребления.

Далее говорится, что

«переход к экономике предложения невозможен без роста внутренней конкуренции. <...> Только высокий уровень конкуренции может создать реальный спрос на инновации».

Это неверно ни логически, ни исторически, представления доклада о движущих силах развития очень ограничены и предвзяты. Подъем инновационной активности, как правило, наблюдается именно на стадии выхода из кризиса в обществе, переживающем массовое чувство солидарности разного типа в разных культу-

ного создания креативного класса, по мнению составителей доклада, должны служить деньги, «конкурентоспособная оплата труда».

Вот что говорится об этом в докладе:

«Необходимый вклад государства в формирование класса креативных профессионалов — конкурентоспособная оплата труда в бюджетном секторе. Надо довести до конца движение к “эффективному контракту”, начавшееся в 2004–2010 годы с государственных служащих и распространившееся в 2011 году на школьных учителей. Задача 2012–2016 годов — “эффек-

В современном российском обществе, которому требуется консолидация для преодоления разрухи, более эффективные формы хозяйства складываются на основе кооперации и взаимопомощи, нежели внутренней конкуренции. Конкуренция — эффективный механизм, который преследует иные цели.

рах (пример — СССР 30–50-х годов, США после «Великой депрессии», Япония после Второй мировой войны).

В современном российском обществе, которому требуется консолидация для преодоления разрухи, более эффективные формы хозяйства складываются на основе кооперации и взаимопомощи, нежели внутренней конкуренции. Конкуренция — эффективный механизм, который преследует иные цели, и представление о ней у авторов доклада мифологизировано.

Авторы мыслят в терминах классового подхода. Но они не говорят о той классовой структуре общности трудящихся, которая, по их прогнозам, станет к 2020 году коллективным субъектом «новой постиндустриальной экономики России». Они создают утопический, совершенно нежизненный образ «класса креативных профессионалов», который и станет локомотивом прогресса. Средством сроч-

тивный контракт” с врачами, преподавателями вузов, работниками культуры».

О чем это? Какой «эффективный контракт» распространился на школьных учителей? Причем здесь «класс креативных профессионалов»? Неужели по таким стратегическим программам будет предназначено жить России?

Упование на креативный класс несостоятельно — он пока не стал социальной реальностью, и нет признаков, что станет в обозримом будущем. Вот вывод из большого исследования Михаила Горшкова «Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки» (2010 год): «И в самосознании населения, и в реальности в современной России имеются социальные группы, способные выступать субъектами модернизации, но весьма отличающиеся друг от друга. Принимая в расчет оценки массового сознания, можно

Упование на креативный класс несостоятельно – он пока не стал социальной реальностью, и нет признаков, что станет в обозримом будущем.

сделать вывод, что основными силами, способными обеспечить прогрессивное развитие России, выступают рабочие и крестьяне (83 и 73 процента опрошенных соответственно). И это позиция консенсусная для всех социально-профессиональных, возрастных и т.д. групп.

Если говорить о степени социальной близости и наличии конфликтных отношений между отдельными группами <...> то один социальный полюс российского общества образован сегодня рабочими и крестьянами, тогда как второй – предпринимателями и руководителями. <...> Можно констатировать, что “модернисты” на две трети – представители так называемого среднего класса, в то время как традиционалисты – это в основ-

ном “социальные низы”, состоящие почти полностью из рабочих и пенсионеров. В то же время, как это ни парадоксально, именно последние в восприятии населения являются одновременно главной движущей силой прогрессивного развития нашей страны».

Нельзя игнорировать столь серьезные исследования. В докладе говорится:

«Ключевой особенностью новой социальной политики является опора на самостоятельность профессиональных сообществ. Сообщества профессионалов творческого труда – инженеров, ученых, учителей, врачей, юристов – выступают гарантом качества социальных и государственных услуг, профессионального уровня производства в

самых разных отраслях экономики».

Каков смысл этих туманных выражений? Как «опора на самостоятельность» может быть «ключевой особенностью новой социальной политики», которая должна перевернуть Россию? Что такое «самостоятельность», например, юристов? Вчитайтесь, ведь это бессмыслица! Почему «сообщество» врачей является «гарантом» «профессионального уровня производства в самых разных отраслях экономики»? Что понимается под «сообществом» и откуда у него магическое свойство быть «гарантом качества социальных и государственных услуг»? И почему это свойство то появляется, то пропадает? Что за странные идеи бродят в головах экспертов правительства?

Если уж говорить всерьез, то профессиональные сообщества РФ как раз рассыпаны реформой. Эти сообщества пере-

живают дезинтеграцию, разрушены их когнитивные матрицы и системы социальных норм. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС устранила последние сомнения. Задача государства и общества — восстановить нормативные системы профессиональных сообществ, вернуть им самоуважение и общественный престиж, социальный статус и механизм воспроизводства. А то по всем станциям метро расклеены объявления, а в газетах (например, в «Московском комсомольце» или «Из рук в руки») можно прочесть объявления такого типа: «Кандидатские и докторские диссертации для занятых. Недорого. Быстро». Что же касается действительно важных положений социальной политики, то вот несколько рекомендаций доклада:

«Принципиальным условием политики, нацеленной на обеспечение условий устойчивого экономического роста, является отказ от попыток регулирования рынка труда (в частности с помощью формальных и неформальных препятствий сокращению занятости)».

Это даже не требует комментариев. Предлагается наш незрелый капитализм превратить в дикий. При этом постоянно проталкивается принятая в неизвестном ведомстве установка на «замещающую этническую миграцию», на завоз в Россию больших масс иммигрантов — при огромной безработице местного населения почти на всей территории страны. В докладе присутствует такой императив:

«Политика повышения иммиграционной привлекательности России, политика привлечения высококвалифицированной и низкоквалифицированной иностранной рабочей силы <...> необходима разработка долго-

временной стратегии, направленной на превращение России в страну, комфортную для иммиграции».

Если вспомнить приведенное чуть выше требование «отказа от попыток регулирования рынка труда (в частности с помощью формальных и неформальных препятствий сокращению занятости)», то ясно, какая «новая социальная политика» закладывается в «Стратегию-2020». Своих граждан станут без «формальных и неформальных препятствий» увольнять, а вместо них завозить покладистую и дешевую «иностранную рабочую силу».

И ведь все эти целевые установки не вызвали ни слова критики или сомнения ни в правительстве, ни в Госдуме.

Профессиональные сообщества РФ рассыпаны реформой и переживают дезинтеграцию, разрушены их когнитивные матрицы и системы социальных норм. Задача государства и общества — восстановить нормативные системы профессиональных сообществ, вернуть им самоуважение и общественный престиж, социальный статус и механизм воспроизводства.

Во всяком случае, слов критики не было слышно. В отношении работников бюджетной сферы и пенсионеров предлагаются меры радикальные:

«Предложение: сократить численность госслужащих к 2020 году до уровня 2000 года, то есть примерно на 30 процентов. До 50 процентов полученной экономии средств можно направить на увеличение оплаты труда оставшихся сотрудников. <...> Реформированию пенсионной системы нет альтернативы. <...> Реформирование пенсионной системы позволит сэкономить к 2020 году от 0,69 процента ВВП до 1,22 процента ВВП. <...> Предложенные меры по реформированию пенсионной системы носят принципиально комплексный харак-

тер: повышение требований к минимальному стажу с 5 до 15 или до 20 лет, более или менее быстрое повышение пенсионного возраста до 63 лет для обоих полов».

И это называется «стратегия». Никаких определений цели, никаких альтернатив и прогнозов последствий, никакого поиска индикаторов, критериев, оптимальных соотношений. И так какую сферу ни возьми — хоть ЖКХ, хоть образование или транспорт. Вот, скажем, пишут о системе образования:

«Риски для стабильности системы образования и шире — социальной стабильности — заключаются в том, что содержание и объем социальных обязательств государства в сфере

образования недостаточно конкретизированы. <...> Образование перестает выполнять функцию социального лифта, начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию».

Зачем наводить тень на плетень! Вот главный источник риска для социальной стабильности — образование «начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию». Недостаточная конкретизация обязательств государства никакого отношения к проблеме не имеет, да и само это понятие лишено определенного смысла. Риски возникли в результате смены вектора социальной политики и критериев справедливости. Говоря именно о стратегическом антисоциальном сдвиге

Требование «отказа от попыток регулирования рынка труда» демонстрирует, какая «новая социальная политика» закладывается в «Стратегию-2020». Своих граждан станут без «формальных и неформальных препятствий» увольнять, а вместо них завозить покладистую и дешевую «иностранную рабочую силу».

системы образования (и ничего не предлагая в качестве контрмер), авторы доклада тут же дают странную и даже нелепую характеристику российской семье и перспективам ее развития в предстоящее десятилетие:

«Сегодняшняя семья дает родителям больше возможностей — строить свою карьеру (уход за детьми с помощью платных профессионалов), не длить неудачный брак, жить с сегодняшним партнером, соединяя детей от разных браков и т.д. Таким образом, привычные механизмы взросления переживают эрозию».

Для кого составляется «Стратегия-2020»? Для узкой прослойки «высшего среднего

класса» и социальных паразитов?

Поскольку главной стратегической идеей доклада является переход России к постиндустриальной экономике, большое место в нем отведено науке. Этот раздел полон принципиально ошибочных суждений, показывающих тривиальную неосведомленность авторов о характере научной деятельности. Они пишут:

«В 2015–2020 годах акцент рекомендуется перенести на опережающее развитие конкурентоспособных на мировой арене направлений фундаментальных и поисковых исследований, современных форм организации ИР, инфраструктуры науки на прорывных направлениях».

«Конкурентоспособные» научные направления — термин негодный, но не будем цепляться. Главное, что «успешные» научные направления — это не изюм, который можно выковыривать из булки. Как только они утратят поддержку «заурядных» направлений, вместе с которыми они только и могут существовать, от их «конкурентоспособности» не останется и следа. Такая нечувствительность к сути систем в XXI веке просто поразительна. Вот еще более фантастическая сентенция:

«Отечественная наука продолжает функционировать в рамках традиционной (индустриальной) модели, не отвечающей современным реалиям и характеризующейся доминированием самостоятельных научных организаций, обособленных от вузов и предприятий. На них приходится свыше 80 процентов затрат на науку, тогда как в рыночных экономиках костяк

НИС — компании и университеты. Почти 3/4 организаций, выполняющих исследования и разработки (ИР), находятся в собственности государства».

Что значит: отечественная наука не соответствует современным реалиям? Чьим реалиям — США или Китая? Наука в России соответствует именно отечественным реалиям. Разве может быть иначе? Пусть бы авторы доклада объяснили, почему отечественная наука должна действовать не «в рамках традиционной (индустриальной) модели», если отечественная экономика является именно индустриальной, причем в состоянии деградации? Как это было бы возможно? И что станет с 3/4 организаций, если государство вдруг от них откажется? Стратеги предлагают их ликвидировать? Разве кто-то предлагает этим организациям финансирование, а они отказываются? Какими странными намеками наполнен этот доклад!

В докладе так сказано о состоянии важного элемента инновационной системы:

«<...> быстрая деградация фундаментальной науки, выступающей драйвером профессионального образования <...>».

Пусть фундаментальную науку России назовут драйвером (хотя странное словечко подыскали), но ведь в стратегическом докладе невозможно уйти от вопроса, почему же в России происходит «быстрая деградация фундаментальной науки». Без выяснения причин такого поистине катастрофического процесса, без описания того механизма, который его воспроизводит уже 20 лет, главные рекомендации доклада теряют смысл.

Сами же авторы доклада походя делают замечание, без объяснения которого все рассуж-

дения об инновационной экономике ничего не стоят:

«Несмотря на то, что поддержка науки из средств федерального бюджета в 1998–2009 годах выросла четырехкратно <...> это не сказывается на динамике ее результативности в части прикладных и фундаментальных исследований».

Удивительно, что сами же авторы высказывают важное положение, которое опровергает практически все их стратегические инновации:

«Активное и масштабное разворачивание институциональ-

ных реформ в последние годы натолкнулось на ограничения системы, неготовой воспринять и “переварить” многие новые нормы».

Как же вы собираетесь продавать свою стратегию, если система неготова воспринимать предлагаемые вами новые институциональные нормы? Ведь ограничения — это те рамки, которые и определяют для реформатора поле возможного. Ваша стратегия вся стоит на утопии нарушения ограничений — и никаких предложений, как такое противоречие можно было бы разрешить. Как будто забыли самые элементарные правила анализа систем.

Этот разбор небольшой части утверждений доклада, которые предлагается положить в основу развития России, имеет методологический и учебный характер. Но главное в том, что выбор стратегии развития — предмет политики.

Лауреат Нобелевской премии, академик РАН
Жорес Алфёров

Что значит: отечественная наука не соответствует современным реалиям? Чьим реалиям — США или Китая? Наука в России соответствует именно отечественным реалиям. Почему она должна действовать не «в рамках традиционной (индустриальной) модели», если наша экономика является именно индустриальной, причем в состоянии деградации?

Это — исторический выбор, определение пути движения с очередного распутия, на которое мы вышли в 2011 году. Он не может быть отдан на откуп группам экспертов, он требует общественного диалога. Никакая стратегия в нашем расколотом обществе не будет успешной, если не получит поддержки критической массы населения, которая посредством «низового плебисцита» не пришла к соглашению о целях проекта и его социальной цене. Для этого требуется выложить варианты стратегии, отвечающие чаяниям основных групп, занимающих позиции на фронте главных противоречий нынешней России. Власть, если желает успешного развития, должна реально помочь этим основным группам ясно сформулировать свои интересы, идеалы и цели, а потом дать им площадку для переговоров, поиска компромиссов и заключения пактов.